
Встреча с прошлым

Е.А.Козлова. Художественный мир индейцев Центральной Мексики. От Семи пещер до страны Анауак. М., Государственный институт искусствознания, 2007, 355 с.

Монография представляет собой комплексное исследование, в которой анализируются основные аспекты художественного творчества индейцев Центральной Мексики, прежде всего ацтеков. Автор обращается к предпосылкам зарождения их искусства, рассматривает особенности градостроительства, богатейшую прикладную культуру, ритуальную и лирическую поэзию, скульптуру и настенную живопись. В книге во всей полноте воссоздано мифологизирующее мировосприятие, воплощение в искусстве концепции циклического времени, обусловившей в значительной степени его специфику.

Ключевые слова: Центральная Мексика, Теотиуакан, Ла-Вента, Толлан, Теночтитлан, сакрализованное искусство, мифологическое мировосприятие, ремесла, поэзия и скульптура науа.

В диалектической противоречивости, в нарастании глобальных кризисных явлений человечество, о чем уже более полувека предупреждают мыслители, входит в постисторию. И взоры не только исследователей, но и простых людей все чаще обращаются к предстории, к тем далеким временам, когда основы мировых цивилизаций еще только закладывались. При этом еще больший интерес вызывают не только магистральная линия всемирного исторического процесса, но и другие цивилизационные ветви, в том числе и погибшие в результате внешнего вторжения.

Один из таких феноменов представляют собой доколумбовы культуры Центральной Мексики. Фундаментальная работа Е.А.Козловой, ведущего научного сотрудника Государственного института искусствознания, посвящена вопросу предпосылок и способов выделения из синкретического мифологического комплекса особой формы общественного сознания, именуемой искус-

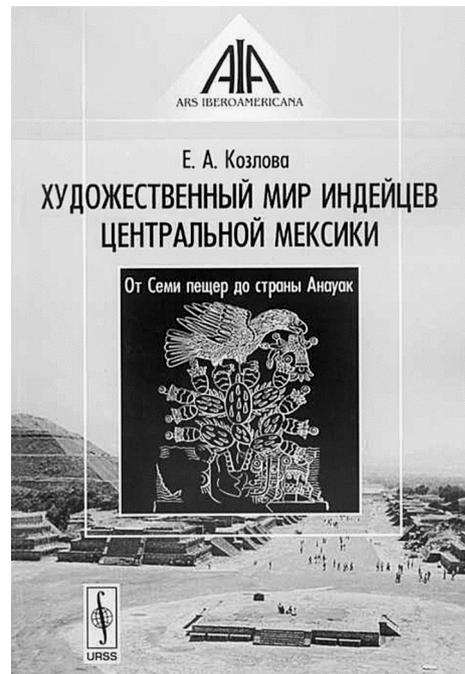
ством. В этом комплексном исследовании, построенном на широком круге источников, с использованием обширной библиографии, рассматриваются практически все аспекты избранной темы в постоянном сравнении с типологически сходными явлениями в других доколумбовых цивилизациях Америки, а также древнего Ближнего Востока и Средиземноморья.

Рецензируемая монография непростая, материал довольно трудный, и не менее трудно писать о ней с позиций, во многом отличных от той парадигмы, которой придерживается автор. Известно, что по поводу возникновения и становления доколумбовых цивилизаций Америки существуют две противоположные точки зрения: одни исследователи исходят из концепции длительного культурного континуума, чуть ли не с окончания ледникового периода, другие же (так называемые «диффузионисты») допускают возможность культурных импульсов со стороны первоначальных ци-

визаций Старого Света, в том числе и через Атлантический океан. Такой точки зрения придерживаются Э.Джилберт, М.Коттерелл, А.Х.Уэррил, Т.Хейердал и другие.

Автор (в отличие от рецензента) исследует избранную тему в контексте культурного континуума и потому рассматривает причины возникновения первых ритуальных центров как результат отражения картины мира, присущей носителям первобытного магического мировоззрения, повсеместно имеющего общие типологические черты. Следуя избранной методологии, Козлова стремится показать, как в результате эволюции мировоззренческого комплекса усложняется ритуальная практика, а из святилищ архаического типа развиваются сложные ритуальные центры, подобные Теотиуакану. Если же взглянуть на проблему с точки зрения диффузионизма, то вопрос о предпосылках, а, вернее, о причинах возникновения первых ритуальных центров представляется дискуссионным. Думается, работа бы только выиграла, если бы автор, твердо стоящий на избранной позиции, привел и другие, главным образом, зарубежные точки зрения на этот вопрос. Согласно сведениям информантов времен Конкисты, на авторитет которых опираются диффузионисты, последний правитель Теночтилана Монтесума говорил в своей знаменитой речи перед Кортесом о прибытии его предков издалека, из-за океана.

Исходя из парадигмы, которой придерживается автор, непрерывная линия развития тянется с IX в. до н.э., от первых поселений земледельцев, которые преобразились в охотников на крупного зверя, исчезнувшего с изменением климата. На базе этих поселений стали складываться якобы на рубеже II—I тысячелетий до н.э. ритуальные центры. Но для диффузиониста опять-таки остается открытым вопрос, почему они так задержались в своем развитии по сравнению с аналогичными стадиями в Старом Свете? Как считают некоторые зарубежные исследователи, само развитие носило здесь специфический характер: происходил, если так можно сказать,

количественный рост, увеличение богатства, помпезной роскоши храмов, монументального и изобразительного искусства, но сами творческие принципы и каноны оставались прежними. Между тем, автор монографии ставит под сомнение вышеизложенную точку зрения, на конкретных примерах стараясь показать органически связанную с эволюцией общественных отношений стилистическую (включая канон, где он имеет место) эволюцию памятников изобразительного искусства в Центральной Мексике и в Новом Свете в целом. Причем, как отмечает автор, по мере вступления населяющих Новый Свет племен в более зрелые фазы исторического развития в культурах субрегионов стали проступать и черты этнокультурной специфики.

Как и многие другие исследователи месоамериканских культур, Козлова связывает первые памятники монументального зодчества и изобразительного искусства, а также появление иероглифической письменности с ольмеками. К их культуре восходит и ритуал человеческих жертвоприношений главным образом детей, о чем свидетельствуют

скульптурные изображения и барельефы. Исследователи, придерживающиеся различных методологических принципов, в этом вопросе единодушны. Диффузионисты считают, что как бы внезапно возникший в XII в. до н.э. близ побережья Мексиканского залива первый ритуальный комплекс мог быть результатом влияний извне. Они допускают возможность трансатлантической колонизации (случайной или же сознательно подготовленной), делая акцент на том (как они настаивают) подтвержденном археологией обстоятельстве, что убедительных свидетельств постепенного предшествующего развития в этом ареале не прослеживается. Их оппоненты, напротив, связывают появление ольмекских сооружений с многовековой эволюцией культуры племен, продвигавшихся через исчезнувший в последние Берингийский мост вдоль побережья Атлантического океана на юг и на этом пути оставивших примитивные археологические памятники (их специфика отражена в названии «культуры раковинных куч»). По их мнению, эти стоянки на пути расселения первобытных собирателей даров моря и рыбаков стали отдаленными предшественниками первых оседлых поселений и ритуальных центров, возведенных на землях, примыкающих к Мексиканскому заливу.

По традиции выделяя формативный, классический и постклассический периоды в становлении мексиканских автохтонных культур, автор анализирует возникновение основных центров каждого периода — Теотиуакан, Толлан, Теночтитлан. Это — самый сложный для понимания современного человека мир мигрирующих племен, смены культурных центров, многочисленных богов, символов и ритуалов, который во всей полноте воссоздается на страницах монографии; мифологизированное и сакрализованное бытие, отстоящее от нас на несколько тысячелетий, глубинные закономерности которого нам невозможно постигнуть до конца; навсегда ушедшая жизнь, которую крайне сложно реконструировать.

Автор полностью погружен в воссоздаваемую им художественную реальность, анализируя основные аспекты синкретического комплекса представлений, лежащих в основе индейского искусства. Предпринята результативная попытка проникнуть в глубинную логику этого искусства, представлявшего собой «орудие взаимодействия с миром во всей его полноте, включая богов и духов» С. VI).

Пять полновесных глав посвящены рассмотрению основных аспектов избранной темы. В I главе «Когда все только начиналось» Козлова обращается к «берингоморскому сценарию», а определенные черты сходства в древних культурах Нового и Старого Света объясняет общностью, восходящей к материальной культуре верхнего палеолита. Она анализирует пещерную живопись первобытных времен, изображения на скалах Северной Америки X—III тысячелетий до н.э., отпечатки человеческих рук — как наиболее стойкий символ магической силы. Особое внимание автор уделяет культуре Тлатилько, середина первого тысячелетия до н.э., с ее многочисленными керамическими женскими статуэтками — символами плодородия, сравнивая их с аналогичными африканскими. Отмечая присущее древнеамериканскому искусству сочетание натурализма и условности, она останавливается на таких характерных образах, как пес-проводник в царство мертвых (аналог египетского Анубиса и греческого Кербера), а также на динамичных фигурках акробатов, танцоров, певцов и музыкантов, имевших ритуальное значение как средство приобщения молодежи к сакральной информации. Обращаясь к культуре Лавенты, время которой частично совпадает со временем Тлатилько, автор особо отмечает один из древнейших образов ольмекского искусства — изображение Старого бога в облике бородатого пожилого мужчины (никак, впрочем, не комментируя эту бородатость), а также широко известные гигантские головы негроидного типа, опять-таки оставляя без комментариев эту негро-

идность. Между тем, здесь возможны все те же разночтения в трактовках образцов. Для диффузиониста названные приметы облика свидетельствуют о возможности внешних (европейских, африканских) влияний на ольмекскую культуру. Автору же ближе точка зрения тех антропологов и этнографов, которые указывают на разнообразие антропологических типов первопоселенцев-палеоазиатов, в числе которых могли быть и племена, родственные темнокожим и бородатым протоавстралоидам айну.

Представляя искусство Центральной Мексики как яркую, многокрасочную картину мира, пронизанного всеобщей жизненной энергией, где человек еще не противопоставляет себя ни природе, ни другому человеку, Козлова подробно рассматривает основные составляющие этой картины. Этот мир анализируется, исходя из его определяющей концепции циклического, то есть движущегося по кругу времени, когда все явления и события неизменно повторяются в положенный срок.

Во II главе дается подробная характеристика архитектурного комплекса Ла-Венты (1100—400 гг. до н.э.). Много внимания автор уделяет Теотиуакану, особо — огромным храмовым пирамидам Солнца и Луны, рассматривая его в плане дальнейшего развития ольмекской традиции.

Затем на страницах монографии появляется храм Кетцалькоатля, посредника между миром богов и миром людей, и в дальнейшем тема Кетцалькоатля, включая его архаических предшественников, проходит через всю книгу как основная мифологема мексиканских культур — и теотиуаканцев, и тольтеков, и майя. Экспансией тольтеков в IX—XIII вв. автор объясняет как дальнейшее развитие различных ремесел, так и усиление позиций воинской аристократии и являющиеся частью ее идеологии человеческие жертвоприношения. С историей Толлана связан также цикл мифов о Кетцалькоатле как о градостроителе, справедливом и мудрым правителе. Описывая гигантский

труд создателей ритуальных центров, которые волоком, на канатах, на большие расстояния тащили огромные камни, автор сравнивает это со строительством святилищ инков, шумеров и египтян. Так, сооружение грандиозного храма Уицилопочтли в Теночтитлане продолжалось при трех властителях и было завершено незадолго до прибытия испанцев. В начале XVI в. ацтекская держава, так поразившая завоевателей варварским архаизмом своей культуры, по территории, населению и внутренней структуре была сопоставима с неизвестными им, скрытыми за далью веков раннегосударственными образованиями в Старом Свете: аккадской державой Саргона III (конец III тыс. до н.э.) или с Китаем эпохи Чжоу (конец II тыс. до н.э.). Козлова настаивает на точке зрения, что все эти гигантские сооружения, требующие приложения огромного количества человеческих рук, были делом не каких-либо космических пришельцев или же заокеанских культуртреггеров, а исключительно результатом многолетних трудов местного населения. Занимая, в отличие от автора, диффузионистские позиции, рецензенту трудно удержаться от реплики, которую позволяют себе зарубежные исследователи месоамериканских культур (например, Д.Л.Браун) о том, что строили одни, а руководили другие.

В следующих главах автор рассматривает проявление мифологического мировосприятия индейских художников в трех основных областях: в ремеслах, по существу, в прикладной культуре, в памятниках словесности и, наконец, в архитектуре и живописи.

В III главе «Мастера всяческих ремесел», зачинателями большинства которых считались тольтеки, перед читателем разворачивается блестящая многокрасочная так поразившая испанцев картина изделий индейских ремесленников-ювелиров, ткачей, гончаров, расписная керамика, великолепные изделия из перьев и драгоценных камней. Сотни искусных мастеров (тех, «кто дают жизнь вещам»), заказчиков, купцов. Приводя соответствующие тексты,

автор описывает многочисленные празднества, во время которых особенно отчетливо проявилось основное противоречие этой, навсегда оставшейся в прошлом жизни. С одной стороны, роскошь нарядов и украшений, бесконечное разнообразие живых цветов, а с другой — столь же бесконечные человеческие жертвы, кровью которых следовало поддерживать основы мироздания. Утонченные художественные изделия, например, зловещие, призванные внушать ужас, зубастые и клыкастые изображения ацтекских богов, воскрешающие в памяти (в связи со Старым Светом) языческие божества его седой древности: львиноголовую Сохметт — египетскую богиню войны и чумы, других египетских богов-зверей и полузверей, месопотамскую Тиамат — родную сестру ацтекской Коатликуэ. Из того же ряда — лернейская гидра, критский Бык — Колебатель Земли с торчащими из-под земли рогами и прочие звериные божества архаической Греции. Не говоря уж о древних, да и ныне почитаемых богах Индии и Китая, Тибета и Монголии, Африки и Океании.

Автор подробно описывает труд различных категорий ремесленников, их положение в обществе (нередко это — тяжелая трудовая повинность, работавшие на строительстве чаще всего были рабами), экспедиции мексиканских купцов. Особо отмечается совершенство золотых погребальных масок, похожих на египетские, а также золотых изображений растений и животных в садах правителей. Стоит также остановиться на карликах, изготовлявших утонченные изделия из драгоценных металлов и камней. В книге вообще довольно часто упоминаются карлики в составе свиты правителей. Это специальный и очень сложный вопрос, поскольку существует мнение, что карлики (пигмеи) относятся к предшествующему, более древнему слою населения не только в некоторых приатлантических штатах Мексики, но вообще были одной из первых разновидностей человека разумного и на других континентах.

В преданиях многих народов именно карлики (или же гномы) связаны с обработкой и хранением драгоценных камней. Что же касается Центральной Америки, то имеется даже предположение (например, А.Х.Уэрилла), что ольмеки приносили в жертву не детей, а именно покоренных карликов, соответствующие изображения есть на барельефах и росписях. Воссоздавая роль и значение прикладного искусства в жизни ацтеков, автор останавливается на социальной стратификации этого общества, где только представители высших слоев имели право носить богатые одежды и роскошные украшения. Ритуализированный быт правителей требовал бесконечного количества роскошных одежд и украшений, которыми обыкновенно они одаривали чем-либо отличившихся подданных, так сказать, со своего плеча. Постоянно приносились богатые жертвы многочисленным святилищам, в частности, святилищу бога воды Тлалока — с виду ужасного чудовища, от которого в конечном счете зависел исход земледельческих работ. В монографии описываются калмекак — школы для знатной молодежи, где она училась рисовать и запоминать пиктографические знаки.

В IV главе «Мифология в памятниках словесности» автор рассматривает различные разновидности поэтического творчества (как представляется, здесь можно лишь с большой долей условности говорить о жанрах), эпос науа и основные мифологемы, из которых определяющим остается миф о Кетцалькоатле во многих вариантах и версиях. Героев, подобных Гераклу или Прометею, эти циклические «истории» про богов, культурных героев и родоначальников еще не знали. В монографии прослеживается, как в сказаниях о Кетцалькоатле сливаются в единое целое миф и история, отмечается сакральный смысл этих легенд. Реальность предстает здесь как миф и как ритуал, в соответствии с определяющей идеей чередующихся циклов. При всем своем блеске этот роскошный мир с его жестокими ритуалами двигался, как представ-

ляется, в обратную от гуманизма сторону, что не могло не предопределить в дальнейшем его печальной судьбы, даже не постигни его в начале XVI в. насильственный конец. В главе много внимания уделяется поэзии науа, начиная от обычного для древности диалога хора и солиста, поэтических импровизаций на праздниках и заканчивая индивидуальной лирикой знатных поэтов, и прежде всего правителя Нецауалкойотля. Подчеркивая невиданное для Америки обилие дошедших до наших дней поэтических произведений, автор отмечает их общую философско-фаталистическую направленность и саму роль поэта как боговдохновенного посредника между миром богов и миром человека. Миссия поэта была так же важна, как и воина, и поэтому поэтическое творчество было в основном прерогативой пожилых, уже не участвовавших в сражениях людей. В качестве примера поэзии, в наибольшей степени отмеченной печатью индивидуальности, приводится творчество Нецауалкойотля, которого автор сравнивает с библейским Екклесиастом. На наш взгляд, произведения этого поэта (да и других поэтов с их определяющим тезисом «В этом доме мы не хозяева») можно сравнить с египетским «Разговором разочарованного со своей душой». В то же время развивалась любовная поэзия, сопровождаемая эротическими танцами, это также рассматривается в сопоставлении в аналогичными феноменами в Старом Свете. И, наконец, в последней главе «Мифология в красках и камне» анализируется настенная живопись — многофигурные росписи Теотиуакана, воинственные рельефы и скульптуры Толлана и Чичен-Ицы. Автор детально описывает некоторые фрески и скульп-

туры в плане их сакральной символики, особенно подробно монумент ацтекской богини Коатликуэ с присущим ей сочетанием зооморфных, антропоморфных и символических компонентов.

Глубоко фундированную, написанную хорошим, доступным широкому читателю языком монографию Козловой по праву можно рассматривать как существенный вклад в российскую латиноамериканистику. Книгу украшает богатый иллюстративный материал. И в то же время именно фундаментальность работы, предельное проникновение автора в сущностные особенности избранной темы делают, на наш взгляд, особенно очевидным главный объективный вывод исследования, которого автор предпочитает не касаться, — о тупиковом характере (пусть простят меня энтузиасты американской древности) принципиально не меняющихся своей парадигмы центральноамериканских культур, как и других высоких культур доколумбовой Америки. Это становится особенно ясно при визуальном сопоставлении. Если находясь, например, в древнегреческом театре в Эпидавре, особенно чувствуешь устремленность эллинского гения, прорвавшего замкнутый круг цикличности, все к новым и новым ступеням одухотворенного бытия, то при виде грандиозных пирамид Теотиуакана или величественных сооружений Чичен-Ицы возникает ощущение замкнутого, вращающегося по кругу бытия, которое в Старом Свете было достоянием куда более архаичных культур, будь то создатели мегалитического святилища Стоунхендж или строители критского Лабиринта, мрачной обители каннибала Минотавра.

Т.В.ГОНЧАРОВА